

ПРИНЦИП ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ И СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

М. М. ДАУЛЕНОВ,
директор научно-исследовательского центра международного
права, заведующий кафедрой международного права и
международных отношений КазГЮУ, доктор Ph.D.
в области права

Настоящая статья представляет собой попытку определения содержания свободы вероисповедания на рабочем месте, закрепленной в положении ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., а также границ возможных ограничений данной свободы со стороны государств-участников. Проведенный анализ отдельных постановлений Европейского Суда по правам человека показал, что такой границей может служить принцип пропорциональности, представляющий собой общий принцип права.

Ключевые слова: принцип пропорциональности, свобода вероисповедания, рабочее место, Европейская конвенция о защите прав человека, Европейский Суд по правам человека, Комитет по правам человека, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, прямое действие, толкование, применение права.

I. ВВЕДЕНИЕ

9 октября 2014 г. кафедрой международного права и международных отношений Казахского Гуманитарно-Юридического Университета совместно с Дипломатической академией Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российской Ассоциацией международного права и Международно-правовым клубом был проведен видеомост круглого стола на тему: «Права человека в контексте межконфессионального диалога». В работе круглого стола приняли участие известные специалисты в области международного права, такие как д.ю.н., профессор С. В. Черниченко, д.ю.н., профессор А. А. Моисеев, а также представители мировых традиционных религий. По завершению работы круглого стола участниками были выработаны конкретные рекомендации и предложения в области обеспечения соблюдения прав человека в контексте межконфессионального диалога. Кроме того, представленный автором в рамках вышеуказанного круглого стола доклад на тему: «Принцип пропорциональности и свобода вероисповедания на рабочем месте в практике Европейского Суда по правам человека» послужил основой для подготовки настоящей статьи.

Целью настоящей статьи является определение содержания свободы вероисповедания на рабочем месте, закрепленной в положении ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и

основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция), а также границ возможных ограничений данной свободы со стороны государств-участников.

II. КОНВЕНЦИЯ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД 1950 Г. КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

4 ноября 1950 г. представителями группы десяти государств-членов Совета Европы (Королевство Бельгия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Федеративная Республика Германия, Королевство Дания, Республика Исландия, Итальянская Республика, Королевство Люксембург, Королевство Нидерландов, Королевство Норвегия и Французская Республика) в г. Рим была принята Конвенция о защите прав человека и основных свобод (неофициально – Европейская конвенция о защите прав человека). Конвенция вступила в силу 3 сентября 1953 г. В настоящее время участниками конвенции являются все 47 государств-членов Совета Европы. Предполагается, что в силу положений ст. 17 протокола № 14 к Конвенции от 13 мая 2004 г. и положений п. 2 ст. 6 Договора о Европейском Союзе от 7 февраля 1992 г. данный Союз присоединится к Конвенции, выступая в качестве – на момент присоединения – единственной международной организацией являющейся участником Конвенции.

Конвенция представляет собой международный договор в понимании положения пп. а) п. 1 ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.¹ наделяющий индивидов определенным объемом прав и основных свобод. Большинство существенных положений Конвенции, как отмечает профессор Лех Гарлицки, сформулировано способом, предполагающим их прямое действие внутри национальных правовых систем. При этом, сама идея общеевропейской системы правосудия заключается в том, чтобы Конвенция применялась внутригосударствен-

¹Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml>.

²Гарлицки Л. Сотрудничество и конфликт (несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия) // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы: Сборник докладов. Москва 2006, С. 9.

ными органами, в частности – судебными органами государств-членов, обеспечивая эффективную защиту прав человека.² В результате, Конвенция приобрела квалификацию «конституционно-го инструмента европейского правопорядка» (англ. a constitutional instrument of the European ordre public),³ отражая общие для большинства государств ценности.⁴ Кроме того, в некоторых случаях, нормы права, изложенные в положениях Конвенции, могут иметь экстерриториальное применение, то есть государства-участники могут нести ответственность за действия, совершенные за пределами их территории, и нарушающие права, закрепленные отдельными положениями Конвенции.⁵

Как было указано выше, предметом настоящей работы является свобода вероисповедания на рабочем месте, вытекающая из положений ст. 9 Конвенции, а также границы возможных ограничений данной свободы со стороны государств-участников. Так, в положении ст. 9 Конвенции закреплено: «каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

В целях обеспечения соблюдения государствами-участниками своих международных обязательств, принятых на себя в рамках Конвенции, 21 января 1959 г. был учрежден Европейский Суд по правам человека как орган разрешающий межгосударственные споры и споры по жалобам физических лиц, неправительственных организаций или любой группы частных лиц, которые утверждают, что стали жертвами нарушения одним из государств-участников их прав признанных в Конвенции или протоколах к ней.⁶ При этом, физические лица, обращающиеся с жалобами на действия или бездействие государств-участников Конвенции в каждом конкретном случае не обязательно должны быть гражданами данных государств. Субъектами обращения в Европейский Суд по правам человека могут быть даже лица без гражданства.

Принимая во внимание динамичный характер международно-го права, необходимым представляется дополнительно обратить внимание на то, что способность физических лиц обращаться в указанный Суд с жалобами против государств-участников Конвенции, а также практика самого Суда рассматриваются доктриной в качестве системного эффекта, который может привести в дальнейшем к признанию международным сообществом в целом индивидов в качестве субъектов международного права.⁷

В своем постановлении по делу Konstantin Markin v. Russia Европейский Суд по правам человека определил, что принимаемые

им постановления служат не только разрешению рассматриваемых им дел, но и, на более общем уровне, разъяснению, защите и развитию установленных Конвенцией норм, внося таким образом вклад в соблюдение государствами своих обязательств, принятых на себя в качестве договаривающихся сторон Конвенции.⁸ В целом следует согласиться с данным мнением Суда. В действительности, решения и постановления Европейского Суда по правам человека могут являться правоприменительными актами по делу и, соответственно, содержать правовую аргументацию, за исключением решений, принятых судьей единолично, мотивировочная часть которых не публикуется.⁹ Кроме того, акты правоприменения Европейского Суда по правам человека образуют практику, в соответствии с которой должны толковаться соответствующие нормы Конвенции.¹⁰ При этом, прямое действие решений и постановлений Суда внутри национальной правовой системы составляет уникальную особенность механизма Конвенции.¹¹

Таким образом, нижеуказанные постановления Европейского Суда по правам человека, принятые в процессе разрешения дел, связанных со свободой вероисповедания на рабочем месте, вытекающей из положений ст. 9 Конвенции, необходимо рассматривать не только в качестве отдельных актов правоприменения, но и как практику, в соответствии с которой должны толковаться нормы, «закодированные» государствами-участниками в положениях Конвенции.

III. СВОБОДА МЫСЛИ, СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В своем постановлении от 25 мая 1993 г. Европейский Суд по правам человека по делу Kokkinakis v. Greece¹² обратил внимание на то, что свобода мысли, совести и религии, закрепленная в положениях ст. 9 Конвенции, представляет собой, в религиозном плане, один из важнейших элементов личности верующих и их мировоззрения.¹³ При этом, указанная свобода подразумевает свободу проявлять свои религиозные убеждения не только в собственном сообществе «публичным образом» и в кругу лиц, разделяющих данную веру, но также «индивидуально», «в частном порядке», включая право совершения действий направленных на обращение ближнего в свою веру.¹⁴

При этом, необходимо отметить, что свобода совести, мысли и

религии не является абсолютной категорией. Данная свобода может подлежать ограничениям со стороны государства-участника, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья или нравственности населения, а также для защиты прав и свобод других лиц. Об этом свидетельствует редакция положений второго пункта ст. 9 Конвенции.

Интересным является то, что практика Европейского Суда по правам человека выявила наличие внешнего и внутреннего аспектов свободы совести, мысли и религии. Внутренний аспект указанной свободы заключается в том, что фундаментальные идеи и убеждения, источником которых является душа человека, не могут *per se* подрывать общественный порядок и, следовательно, не могут и подвергаться ограничениям со стороны государственных органов. Тем не менее, в контексте внешнего аспекта данная свобода может подлежать определенным ограничениям со стороны государства, принимая во внимание тот факт, что свобода исповедовать свои религиозные убеждения в некоторых случаях может повлечь под угрозу общественный порядок данного государства.¹⁵ В результате, в деле Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova¹⁶ Европейский Суд по правам человека указал на то, что в демократическом обществе, в котором несколько религий или несколько течений одной религии совместно сосуществуют в пределах одной и той же группы населения, может возникнуть необходимость ввести соответствующие ограничения рассматриваемой свободы в целях «примирения» интересов различных групп и обеспечения уважения к убеждениям других членов данного общества. Вместе с тем, в процессе осуществления своих властных полномочий в указанном вопросе по отношению к различным религиям, конфессиям и верованиям, государство должно оставаться нейтральным и беспристрастным в целях сохранения плюрализма и должного функционирования демократии.¹⁷

Кроме того, в своем постановлении от 13 февраля 2003 г. по делу Refah Partisi (The Welfare Party) and others v. Turkey Европейский Суд по правам человека подчеркнул роль государства в обеспечении соблюдения свободы религии как нейтрального и независимого «организатора» исповедования различных религий и убеждений. В целом, роль государства заключается в обеспечении общественного порядка, религиозной гармонии и толерантности в демократическом обществе.¹⁸

В результате, государство должно выступать гарантом обеспечения плюрализма мнений в отношении религий и религиозных убеждений, возможности индивидов по исповедованию разных религий и убеждений, обращения в свою веру других лиц законными способами, создания религиозных объединений. В то же время, неотъемлемой функцией государства является также обеспечение общественного порядка, здоровья и нравственности населения, законных прав и свобод других лиц. Однако, реализация данной функции государства должна быть основана на беспристрастном и независимом от-

¹⁵ Обзор судебной практики Суда по вопросу свободы вероисповедания, подготовленный Исследовательским отделом Европейского Суда по правам человека, <http://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_religion_RUS.pdf>.

¹⁶ Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 декабря 2001 г. по делу Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova (Application no. 45701/99).

¹⁷ Ibidem, p. 115, p. 116.

¹⁸ Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 февраля 2003 г. по делу Refah Partisi (The Welfare Party) and others v. Turkey (Applications nos. 41340/98, 41342/98, 41343/98 and 41344/98). P. 91.

ношении к таким религиям и убеждениям, а также формам и способам исповедания различных религиозных убеждений.

IV. СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Необходимым, прежде всего, представляется еще раз отметить, что интегральной частью контекста ст. 9 Конвенции, закрепляющей свободу мысли, совести и религии, является свобода каждого исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов. При этом, Конвенция не определяет *modus agendi* рассматриваемой правовой нормы. Другими словами, конвенционные положения не создают границ сферы действия нормы, гарантирующей свободу вероисповедания. Единственным ограничением данной свободы могут служить интересы государства в обеспечении общественного порядка, здоровья и нравственности населения, законных прав и свобод других лиц. Однако, даже в этом случае, как уже отмечено выше, государство должно беспристрастно и независимо относиться к религиям и различным религиозным убеждениям. Таким образом, нормы ст. 9 Конвенции в целом позволяют индивидам исповедовать свои религиозные убеждения в различных местах.

В отношении возможности исповедовать религиозные убеждения на рабочем месте задачей Европейского Суда по правам человека стало определение границ и содержания обязанностей не только государств-членов в обеспечении соблюдения рассматриваемой свободы, но и прав, а также обязанностей работодателей, непосредственно создающих условия для реализации свободы вероисповедания на рабочем месте. Именно с такой проблемой столкнулся Европейский Суд по правам человека в деле Eweida and Others v. the United Kingdom,¹⁹ в котором предметом спора между работником и работодателем явилась *inter alia* возможность ношения ритуальной символики на рабочем месте. В данном деле заявители утверждали, что национальное законодательство Соединенного Королевства не обеспечивает эффективную защиту их права исповедовать свою религию.

В своем постановлении от 15 января 2013 г. по рассматриваемому делу Европейский Суд по правам человека, прежде всего, обратил внимание, на то, что даже в тех случаях, когда вера достигает требуемого уровня убедительности и значимости, нельзя утверждать, что каждое действие, которое в какой-либо мере вдохновляется либо мотивируется ей, представляет собой «исповедание» веры. К примеру, действия или бездействие, которые напрямую не выражают соответствующих убеждений или лишь отдаленно связаны с предписаниями веры, не подпадают под защиту положений ст. 9 Конвенции. Для того, чтобы рассматриваться в качестве «исповедания» веры в понимании положений вышеуказанной конвенционной нормы, данное действие должно быть тесно связано с религией или убеждениями. Примером может быть акт молитвы или поклонения, составляющий религиозную практику в общепризнанной форме. Вместе с тем, исповедание религии или убеждений не ограничивается такими действиями; наличие достаточно близкой и прямой связи между

¹⁹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 января 2013 г. по делу Eweida and Others v. the United Kingdom (Applications nos. 48420/10, 59842/10, 51671/10 and 36516/10), Reports of Judgments and Decisions 2013.

²⁰ Ibidem. P. 82.

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 марта 1995 г. по делу Loizidou v. Turkey (Preliminary Objections) (Application no. 15318/89), A310.

⁴ Justyńska I. Zasada poszanowania praw człowieka w europejskim prawie wspólnotowym. Toruń, 2009. S. 251.

⁵ Budzianowska D.C. Some reflections on the extraterritorial application of the European convention on human rights // Wrocław Review of Law, Administration & Economics. Volume 2, Issue 1. S. 60.

⁶ Статьи 33 и 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., <<http://conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/005.htm>>.

⁷ Дауленов М. Новая роль международного права в юридическом образовании в условиях глобализации // Право и государство. № 2(63) 2014. С. 16.

⁸ Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 октября 2010 г. по делу Konstantin Markin v. Russia (Application no. 30078/06).

⁹ Голубок С. Постановления и решения Европейского Суда по правам человека и соображения Комитета по правам человека: их статус и юридические последствия в российской правовой системе // Российский ежегодник международного права 2010 под ред. Л. Галенской. Санкт-Петербург 2011. С. 117.

¹⁰ Указанный вывод можно сделать на основе анализа положений п. 1 и пп. b п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.: «Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. [...] Наряду с контекстом учитываются [...] последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашения участников относительно его толкования».

¹¹ Лобов М. Контроль за исполнением решений Европейского Суда // Европейский Суд по правам человека: правила обращения и судопроизводства. Сборник статей и документов под общей ред. А. Деменеовой, Б. Петранова. Екатеринбург 2001. С. 77.

¹² Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 мая 1993 г. по делу Kokkinakis v. Greece (Application no. 14307/88), A260-A.

¹³ Ibidem. P. 31.

¹⁴ Idem.

действием и убеждениями в каждом конкретном случае должно устанавливаться на основании фактов.²⁰ При этом, Европейский Суд по правам человека отметил, что заявитель не обязан доказывать, что он действовал во исполнение обязанностей, возложенных на него определенной религией.²¹

Интересным представляется то, что в практике Европейского Суда по правам человека неоднократно находило свое отражение утверждение о том, что Суд оставляет государствам-участникам Конвенции определенную свободу усмотрения при принятии решений о необходимости вмешательства и его пределах.²² Вместе с тем, Суд обратил внимание на то, что Соединенное Королевство, также как и большинство государств-участников Конвенции, не имеет специальных правовых положений, регулирующих ношение религиозной одежды и символов на рабочем месте.²³ Несмотря на это, Европейский Суд по правам человека определил возможность оценки легитимности требований к одежде и пропорциональности применяемых работодателем мер. В целом, принимая указанное во внимание, Суд не разделяет мнение о том, что отсутствие специальной защиты в национальном праве означает, что право заявителя исповедовать свою религию, нося религиозный символ (крест) на работе, было недостаточно защищено. В результате, Европейский Суд по правам человека в данном деле пришел к выводу, что справедливый баланс между желанием заявителя исповедовать свою религию, с одной стороны, и желанием работодателя сохранять определенный корпоративный стиль (независимо от законности этой цели), с другой стороны, не был соблюден.²⁴ Кроме того, до случая с заявителем другим сотрудником того же работодателя было разрешено носить религиозную одежду, например, тюрбаны или хиджабы, без негативного влияния на бренд или стиль компании. Более того, тот факт, что компания смогла изменить правила в отношении одежды и дозволить открытое ношение религиозных символов, свидетельствует о том, что ранее этот запрет не имел решающего значения.²⁵

Таким образом, по мнению Суда, вмешательство в право заявителя исповедовать свою религию в связи с запретом открыто носить крест на рабочем месте действительно имело место быть. При этом, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии как государство-участник Конвенции не обеспечило эффективную реализацию заявителем свободы вероисповедания, принадлежащей ему в силу положений ст. 9 Конвенции.²⁶

Проведенный анализ постановления Европейского Суда по правам человека по делу *Eweida and Others v. the United Kingdom* показал, что отсутствие в законодательстве государств специальных положений, регулирующих вопросы ношения религиозной одежды и символов на рабочем месте, не может констатировать факт нарушения данным государством положений ст. 9 Конвенции. Вместе с тем, в каждом конкретном случае соотношение интересов работника по исповедованию своих религиозных убеждений и интересов работодателя по сохранению определенного корпоративного стиля своих сотрудников должно быть справедливым, отвечать прин-

ципам недискриминации и пропорциональности. В этой связи, необходимым представляется исследование влияния принципа пропорциональности на границы возможных ограничений государств-участников свободы вероисповедания на рабочем месте.

V. ПРИНЦИП ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ

Как было уже указано выше, свобода вероисповедания не является абсолютной категорией. В некоторых случаях, государства-участники Конвенции могут принимать ограничительные меры в отношении реализации данной свободы исключительно посредством закона под условием, что предпринимаемые меры необходимы в демократическом обществе и отвечают интересам общественной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья или нравственности либо неизбежны в целях защиты прав и свобод других лиц. Данное требование Конвенции следует рассматривать в качестве требования по соблюдению принципа пропорциональности, «закодированного» государствами-участниками в редакции процитированного ранее положения пункта второго ст. 9.

Предполагается, что принцип пропорциональности получил свое начало в немецком административном праве²⁷ и в дальнейшем получил свое развитие в судебной практике таких государств как Соединенные Штаты Америки, Аргентинская Республика, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Королевство Испания, Итальянская Республика, Французская Республика, Королевство Нидерландов, Швейцарская Конфедерация и в иных государствах, а также в практике международных судебных органов, таких как Европейский Суд по правам человека, Межамериканский Суд по правам человека и Суд Европейского Союза.²⁸

Сущность принципа пропорциональности в контексте защиты прав человека заключается в обеспечении справедливого баланса между интересом индивида, обладающего соответствующим правом или свободой, и интересом государства, предпринимаемые меры которого направлены на ограничение данного права или свободы индивида в публичных интересах. При этом, как правило, международные судебные органы применяют один или несколько из представленных далее тестов пропорциональности: адекватности предпринимаемых мер, их необходимости или пропорциональности *sensu stricto*. Критерий адекватности предпринимаемых мер позволяет определить, достигает ли ограничение цели, для достижения которой оно было принято государством.²⁹ В свою очередь, применение теста необходимости позволяет установить, насколько государство обладало соответствующей нуждой принятия именно данных ограничительных мер.

VI. СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ В ПРАКТИКЕ КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. не является единственным международным договором, закрепляющим в своих положениях свободу мысли, сове-

²⁷Harbo T.-I. The Function of the Proportionality Principle in EU Law // *European Law Journal*, Vol. 16, No. 2, March 2010. P. 158.

²⁸Cianciardo J. The Principle of Proportionality: its Dimensions and Limits, <http://works.bepress.com/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=juan_cianciardo>.

²⁹Frąckowiak-Adamska A. Zasada proporcjonalności jako gwarancja swobód rynku wewnętrznego Wspólnoty Europejskiej. Warszawa 2009. S. 270, 275.

сти и религии. Подобным образом, данная свобода гарантирована Международным пактом о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.³⁰ Как видно из редакции положений п. 3 ст. 18 указанного международного договора, свобода мысли, совести и религии не может рассматриваться в качестве абсолютной категории. Данная свобода может подлежать ограничениям, установленных законом и необходимым для охраны общественной безопасности, общественного порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

Несмотря на схожесть правового регулирования свободы вероисповедания со стороны Конвенции 1950 г. и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций (далее – Комитет) в деле *Karnel Singh Bhinder v. Canada*³¹ столкнулся с необходимостью определения содержания соотношения интересов государства и работодателя в обеспечении безопасных условий работы и интересов индивида в исповедании религиозных убеждений на рабочем месте. Данное дело рассматривалось по жалобе г-на Карнель Сингх Бхиндер, канадского гражданина, родившегося в Республике Индия. В силу своих религиозных убеждений г-н Карнель Сингх Бхиндер ежедневно носил тюрбан и отказывался использовать защитный головной убор на работе. В результате, указанная практика привела к завершению трудовых отношений между ним и работодателем. Детально проанализировав нормы канадского законодательства на предмет нарушения с их стороны свободы вероисповедания, гарантированной заявителю в силу положений ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, Комитет пришел к выводу о том, что требования канадского законодательства в области безопасности условий труда являются нейтральными, но есть не содержат в себе признаков дискриминации, поскольку имеют всеобщее применение.³²

VII. СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Реализация свободы вероисповедания гражданами Республики Казахстан, иностранцами либо лицами без гражданства на своих рабочих местах пока не была предметом отдельного рассмотрения Конституционного Совета Республики. Вместе с тем, следует отметить, что в своем нормативном постановлении от 11 февраля

³⁰Положение ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 16 декабря 1966 г., определяет: «1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении. 2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору. 3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. 4. Участвующие в настоящем Пакте Государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов, обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями.», <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml>.

³¹Соображения Комитета по правам человека Организации Объединенных Наций по делу *Karnel Singh Bhinder v. Canada*, Communication Nos. 208/1986, U.N. Doc. CCPR/C/37/D/208/1986 (1989).

³²Idem.

ля 2009 г. № 1³³ Конституционный Совет обратил внимание на то, что в соответствии с положением п. 1 ст. 39 Конституции Республики права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения. Далее, Конституционный Совет указал: «применительно к предмету рассматриваемого обращения это означает, что право на свободу объединения для удовлетворения религиозных потребностей и право на свободу распространения религиозных убеждений не являются абсолютными и могут быть законодательно обусловлены в соответствии с Конституцией».

Кроме того, интересным представляется мнение Конституционного Совета относительно возможных ограничений свободы совести, гарантированной положениями ст. 22 Конституции Республики, принимая во внимание тот факт, что согласно положениям п. 3 ст. 39 Конституции ни в каких случаях не подлежат ограничению права и свободы человека и гражданина, предусмотренные *inter alia* положением ст. 22 Конституции. Следует также обратить внимание на рассуждения Конституционного Совета по вопросу соотношения свободы вероисповедания и свободы совести. По мнению Совета, такие признаки свободы вероисповедания, как право свободно исповедовать как единолично, так и совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, недопустимость какого-либо принуждения в определении отношения к религии, частично совпадают с признаками свободы совести. Вместе с тем, полагаем, что Конституционный Совет не провел достаточно определенной демаркационной линии между свободой вероисповедания и свободой совести, гарантированной положениями ст. 22 Конституции.

В целом необходимо отметить, что предписания государства в отношении регулирования свободы вероисповедания, облеченные в правовую форму, два раза³⁴ были предметом рассмотрения Конституционного Совета Республики и в обоих случаях данный орган конституционного контроля признавал не соответствующими Конституции Казахстана законы Республики, принятые Парламентом, но не подписанные Президентом, предусматривавшие внесение соответствующих изменений и дополнений в законодательство по вопросам свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений.

VIII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что свобода вероисповедания на рабочем месте представляет собой интегральную часть свободы религии, гарантированной положениями ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также положениями ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. Принимая во внимание динамичный харак-

³³Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 11 февраля 2009 г. № 1 «О проверке Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам свободы вероисповедания и религиозных объединений» на соответствие Конституции Республики Казахстан», <www.adilet.zan.kz>.

³⁴См. также нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 4 апреля 2002 г. № 2 «О проверке конституционного Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений» на соответствие Конституции Республики Казахстан», <www.adilet.zan.kz>.

тер международного права, в целом, и проанализированных норм международных договоров в области прав человека, в частности, необходимо обратить внимание на то, что практика Европейского Суда по правам человека, равно как и практика Комитета по правам человека Организации Объединенных Наций, имеют существенное значение в определении содержания свободы вероисповедания на рабочем месте, «закодированной» государствами-участниками в нормах Конвенции 1950 г. и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.

Как уже было указано выше, свобода вероисповедания на рабочем месте не является абсолютной категорией; она может подлежать ограничениям со стороны государств, однако, исключительно посредством закона под условием, что предпринимаемые меры необходимы в демократическом обществе и отвечают интересам общественной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья или нравственности либо неизбежны в целях защиты прав и свобод других лиц. При этом, применение ограничительных мер государствами должно иметь нейтральный характер, не нарушать принципов недискриминации и пропорциональности.

Европейский Суд по правам человека не ограничен в применении одного или нескольких вышеуказанных тестов пропорциональности. В каждом конкретном деле определяющим критерием в применении того или иного теста пропорциональности или всех тестов пропорциональности в совокупности служит стремление Суда обеспечить приверженность свободе вероисповедания, которая вместе с другими свободами гарантированными Конвенцией составляет основу справедливости и всеобщего мира, и соблюдение которых наилучшим образом обеспечивается, с одной стороны, подлинно демократическим политическим режимом, и с другой стороны, всеобщим пониманием и соблюдением прав человека, которым они привержены. Именно такие стремления заложены государствами-участниками в преамбуле Конвенции 1950 г.

Несомненно, практика Европейского Суда по правам человека, равно как и практика Комитета по правам человека Организации Объединенных Наций, будет иметь определенное детерминирующее значение в контексте определения содержания свободы вероисповедания на рабочем месте, гарантированной Международным пактом о гражданских и политических правах, участником которого является и Республика Казахстан, а также положением ст. 22 Конституции Казахстана. При этом, необходимым представляется определение границ возможных ограничений со стороны Республики данной свободы в контексте обеспечения справедливого баланса между интересом индивидов в исповедании религиозных убеждений на рабочем месте и интересом нашего государства в обеспечении общественной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья или нравственности либо в целях защиты прав и свобод других лиц.

В этой связи, представляется необходимым присоединение Казахстана к Европейской конвенции о защите прав человека и основ-

ных свобод в целях надления граждан Республики и иных лиц, находящихся под юрисдикцией нашего государства, правом быть субъектом обращения в Европейский Суд по правам человека, практика которого, как показало проведенное исследование, может помочь судебным и иным государственным органам Республики в определении содержания свободы вероисповедания и границ ее возможных ограничений. Несомненно, указанное возможно лишь в случае обретения Казахстаном статуса члена Совета Европы, принимая во внимание тот факт, что согласно положений п. 1 ст. 59 Конвенции, данная Конвенция открыта для подписания и ратификации государствами-членами Совета Европы. Соответственно, условием *sine qua non* является наличие политической воли присоединения к рассмотренной системе защиты прав человека.

М. М. Дауленов: Адам құқықтары бойынша Еуропалық Сот тәжірибесінде үйлесі қағидасы мен дінге сену еркіндігі.

Мақалада 1950 жылғы 4 қарашадағы адам құқықтары мен негізгі бостандықтарын қорғау туралы Еуропалық конвенцияның 9 бабының ережесінде бекітілген жұмыс орнында дінге сену еркіндігінің мазмұнын, сонымен қатар, қатысушы-мемлекеттер тарапынан осы еркіндікті шектеу мүмкіндігінің шекарасын анықтауға талпыныс жасалған. Адам құқықтары бойынша Еуропалық Соттың жеке-леген қаулыларына жүргізілген талдау мұндай шекара құқықтың жалпы қағидасын білдіретін үйлесімді қағидасы болуы мүмкін екендігін көрсеткен.

Түйінді сөздер: үйлесімді қағидасы, дінге сену еркіндігі, жұмыс орны, адам құқығын қорғау жөніндегі Еуропалық конвенция, адам құқықтары бойынша Еуропалық Сот, адам құқықтары бойынша Комитет, Ұлыбритания мен солтүстік Ирландияның Біріккен Корольдігі, тікелей әрекет, түсіндіру, құқықты қолдану.

M. Daulenov: The principle of proportionality and freedom of religion in the workplace in the practice of the European Court of Human Rights.

The present article is an attempt to determinate the content of the freedom of religion in the workplace, which is guaranteed by the relevant provision of the art. 9 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms 1950. It is not doubt that the freedom of religion does not constitute an absolute category. Therefore, it is necessary to define the extent of the possible restrictions of the freedom of religion in the workplace by the state-parties of the Convention. The practice of the European Court of Human Rights demonstrates that the restrictions of the freedom of religion should be in compliance with the principle of proportionality.

Keywords: the principle of proportionality, freedom of religion, workplace, European Convention on human rights, the European Court of Human Rights, the Human Rights Committee, United Kingdom, direct effect, interpretation, application of law.